

8. Смирнов Г.С. Цефализация ноосферы: эволюция разумного вещества на рубеже тысячелетий // Вестник Ивановского государственного университета. Серия «Гуманитарные науки». Очертания ноосферы. 2012. Вып. 2 (12). Философия. С. 17-30.
9. Яншина Ф.Т. Ноосфера: утопия или реальная перспектива // Общественные науки и современность". 1993. № 1. С. 163-173.

ПОЛЬСКО-ЧУВАШСКИЕ «ФАНТАСТИЧЕСКИЕ» ПАРАЛЛЕЛИ В ЛИТЕРАТУРЕ XX ВЕКА

Кирчанов М.В.

Воронежский государственный университет,
кафедра регионоведения и экономики зарубежных стран
Факультета международных отношений, доцент

Автор анализирует литературные польско-чувашские параллели в контекстах наследия Станислава Лема, Śeşpěl Мишши и Бориса Чиндыкова. Предполагается, что некоторые темы, актуализированные польским писателем Станиславом Лемом, были актуальны и для чувашской литературы конца 1910-х – начала 1920-х годов, а также для текстов 1980-х и 1990-х годов. Автор анализирует чувашско-польские параллели как результаты принудительной и форсированной модернизации, которая фактически уничтожила культурные и социальные преемственности между различными поколениями. В статье анализируются мотивы путешествия и образы смерти как общие места и изобретенные традиции национальных литератур, которые стали следствиями развития современных польской и чувашской наций. Автор полагает, что общие места в актуализации фантастического в польской и чувашской литературе могут быть описаны как формы исторической политики и политики памяти.

Ключевые слова: польская литература, чувашская литература, Станислав Лем, Śeşpěl Мишши, Борис Чиндыков, научная фантастика, фантастическое в литературе, путешествие, паломничество, смерть, социальная и культурная память, континуитет и преемственность.

POLISH-CHUVISH “FANTASTIC” PARALLELS IN THE LITERATURE OF THE XX CENTURY

Maksym W. Kyrchanoff
Voronezh State University,

Department of Regional Studies and Foreign Countries Economies,
Faculty of International Relations, Associate Professor

The author analyzes the literary Polish-Chuvash parallels in the contexts of the heritage of Stanisław Lem, Śeşpěl Mišši and Boris Cheendykov. It is assumed that some topics actualized by Stanisław Lem as the Polish writer were also relevant for the Chuvash literature of the late 1910s and early 1920s, as well as for texts of the 1980s and 1990s. The author analyzes the Chuvash-Polish parallels as the results of forced modernization, which actually destroyed the cultural and social continuities between different generations. The article focuses on the motives of travel and images of death as common places and invented traditions of national literatures. The author presumed that they emerges as the consequences of the development of the modern Polish and Chuvash nations. The author believes that the common places in the actualization of

the fantastic in Polish and Chuvash literatures can be described as forms of historical politics and politics of memory.

Keywords: Polish literature, Chuvash literature, Stanisław Lem, Şeşpəl Mişşi, Boris Cheendikov, science fiction, fantastic in literature, travel, pilgrimage, death, social and cultural memory, continuity and discontinuity.

Формулировка проблемы. Творческое наследие Станислава Лема (Stanisław Lem, 1921 – 2006) разнообразно и неоднократно становилось предметом многочисленных литературоведческих, социологических и культурологических исследований, но в независимости от теоретических и методологических предпочтений исследователей тексты польского писателя интегрированы в классический канон современной фантастической литературы. Наследие польского автора насчитывает несколько десятков текстов, жанровая принадлежность которых варьируется от короткого рассказа до романа, и значительная часть этих текстов изучена, описана, систематизирована исследователями творчества С. Лема, чьи теоретические и методологические позиции и предпочтения были достаточно разнообразны.

Цель и задачи статьи. В центре авторского внимания в этой статье будут проблемы сравнительного анализа и проведение параллелей между польской фантастической прозой на примере текстов С. Лема и чувашской литературой как одной из национальных литератур России, локализуемой среди современных многосоставных гетерогенных обществ. Целью статьи является сравнительное изучение текстов С. Лема с некоторыми произведениями чувашской литературы, что предусматривает и задачи статьи, включающие в себя как проведение возможных параллелей между польской и чувашской литературами в контекстах наследия С. Лема, так и компаративный анализ текстов С. Лема с работами чувашских писателей.

Источниковый корпус: проблемы ориентации. Изучая чувашско-польские литературные параллели и анализируя «общие места» в польской и чувашской литературах, необходимо конкретизировать источниковый корпус, доступный исследователям данной проблематики. С одной стороны, тексты С. Лема известны, систематизированы и описаны в научной литературе, а периодические переиздания содействуют их большей визуализации. Автор полагает, что в рамках изучения польско-чувашских параллелей следует в качестве источников определить романы «Астронавты» («Astronauta», 1951 [19]) и «Солярис» («Solaris», 1961 [23]), хотя возможны параллели и с другими текстами польского писателя. Конкретизация источникового корпуса с чувашской стороны представляется более сложной задачей. Автор полагает, что в рамках сравнительного анализа польско-чувашских литературных параллелей в качестве источников могут быть определены несколько текстов, включая «Върман ачисем» («Дети леса» [6]) Şeşpəl Mişşi (Сеспель Мишши, Михаил Кузьмин, 1899 – 1922) и «Хайсене хайсем вѐлерешшѐн сурӑхсем» («Овцы, которые хотят смерти» [10; 12]) Бориса Чиндыкова (род. 1960).

Ориентации в предмете исследования. Сюжетные изменения этих текстов известны, описаны и проанализированы в исследовательской литературе. Поэтому автор полагает, что формальный анализ внешней стороны изучаемых текстов не представляется перспективным. С одной стороны, имеет смысл сосредоточиться в этой статье на анализе параллелей, связанных с развитием польской и чувашской идентичностей и их репрезентаций в культурных и социальных пространствах. С другой стороны, изучая этот аспект исследуемой проблемы, автор полагает необходимым проанализировать те аспекты, которые оказывались вне сферы внимания более ранней историографии, а именно – мотивы путешествия как паломничества и контакта как столкновения цивилизаций, а также смерти и воскрешения в силу того, что именно эти сюжеты

образуют культурные параллели функционирования польской и чувашской идентичностей в контекстах (вос)производства смыслов.

Особенности историографической ситуации. Анализируя историографию творчества С. Лема в контексте изучения его места и роли как в истории польской литературы 20 века, так и в рамках сравнительных исследований, во внимание следует принимать то, что большинство текстов, которые составляют историографический корпус, сфокусированы или на специфике прозы автора, или на анализе социально-политического содержания, идеологического и нравственного послания его произведений. Эта историографическая ситуация стала следствием того, что на протяжении длительного времени в национальных школах изучения творчества С. Лема, которые начали формироваться еще при жизни писателя, доминировал формальный подход, в основе которого лежала позитивистская методология, сторонники которой полагали, что тексты С. Лема должны быть изучены через их типологизацию, классификацию, систематизацию и анализ содержания. Последнее, как правило, делалось исключительно формально с обязательной опорой на гранд-нарративы, которые в той или иной национальной традиции изучения творчества С. Лема преобладали и доминировали.

Поэтому в распоряжении представителей академического сообщества, которые занимаются изучением наследия С. Лема, имеются многочисленные тексты, условно определяемые как *case studies* [7; 8] в то время как количество штудий [3; 5], ориентированных на компаративное изучение социально-политического и идейного содержания прозы польского писателя в контекстах польской литературы в частности и западной литературной традиции в целом, остается малочисленным и, к сожалению, практически невидимым на фоне численно преобладающей нормативистской историографии, предлагающей анализ текстов С. Лема в соответствии с канонами позитивизма. Что касается других национальных литературных традиций, то число сравнительных исследований, сфокусированных на изучении той или иной литературы с польской (например, в контекстах сравнительных штудий научной фантастики или фантастического в литературе), также является крайне незначительным, а малочисленные попытки деконструкции историографического канона остаются маргинальными [16; 17; 18].

Компаративный подход и изучение текстов С. Лема. Если тексты С. Лема и оказываются в центре компаративных штудий, то подобные работы, как правило, отличаются несколькими особенностями. Во-первых, тексты С. Лема, традиционно воспринимаемого как писатель-фантаст, сравниваются с другими формально фантастическими произведениями. Во-вторых, произведения польского писателя С. Лема могут сравниваться с работами других польских в частности и европейских или западных авторов в целом. В этой историографической ситуации компаративные штудии текстов С. Лема, с одной стороны, с другими национальными литературами оказываются немногочисленными и крайне редкими. С другой стороны, эти сравнительные исследования и вовсе могут быть определены как маргинальные (в смысле их малочисленности и невидимости в больших историографических контекстах), если творчество С. Лема сравнивается с текстами писателей, которые не работали в жанре фантастической литературы или в своих историографических традициях не имеют репутации писателей-фантастов. Поэтому сложившаяся историографическая ситуация придает особую актуальность сравнительному изучению текстов С. Лема в контекстах параллелей с национальными литературами современных многосоставных обществ, которые относятся к числу литератур меньшинств и не столь детально изучены в международной историографии, как литературные традиции большинства.

Сложности локализации С. Лема в чувашской культурной ситуации. Прежде чем анализировать польско-чувашские литературные параллели в контекстах творческого наследия С. Лема, необходимы несколько замечаний вводного или ориентационного плана, которые, вероятно, определяют эту статью как ревизионистскую в силу того, что

автор предлагает альтернативный взгляд на проблемы изучения фантастического в контексте чувашско-польских параллелей. Американский историк Джэймс МакФерсон полагает, что «ревизия является жизненной основой исторической науки. История представляет собой непрерывный диалог между настоящим и прошлым. Интерпретации прошлого могут меняться вследствие нахождения новых исторических данных, появления новых вопросов к уже открытым данным, за счёт лучшего видения прошлого, которое наступает с течением времени. Не существует единой, вечной и неизменной «истины» о событиях прошлого и их значении. Бесконечные попытки историков разобраться в прошлом, по сути «ревизионизм», как раз и делают историческую науку жизненно важной и значимой» [24].

Автор вынужден констатировать, что число ревизионистских исследований в рамках сравнительного литературоведения является явно недостаточным. Во-первых, тексты С. Лема на чувашский язык, к сожалению, не переводились. Во-вторых, С. Лем не столь видим в современной чувашской культуре и идентичности, что отличает его от других авторов – например, в Чувашской Википедии присутствует только статья явно энциклопедического и информативного свойства. В-третьих, чувашские интеллектуалы вынуждены знакомиться с текстами С. Лема или через польские оригиналы, или через русские переводы, или при помощи изданий на других языках, на которые польский писатель переводился. В-четвертых, приобщение современного чувашского культурного и интеллектуального пространств к наследию С. Лема осуществляется и при помощи как «высокой» (например, экранизация романа «Солярис» Андрея Тарковского 1972 года), так и «массовой» (экранизация «Соляриса» 2002 года Стивена Содерберга) культуры.

От путешествия как паломничества к путешествию-смерти: чувашско-польские литературные параллели. Роман «Астронавты» имеет репутацию литературного дебюта С. Лема как фантаста. В контексте тематики статьи роман интересен как текст, который актуализирует проблемы столкновения культур и роль ученого в современном обществе. Несмотря на все формальные отличия между «Астронавтами» С. Лема и «Върман ачисем» Сеспеля Мишши (разные исторические и культурные условия создания, объективные отличия между романом и рассказом), оба текста актуализируют в значительной степени сходные проблемы.

И герои «Астронавтов» С. Лема (Роберт Смит, профессора П. Арсеньев, Чандрасекар, Лао Чжу), и выходцы из чувашской деревни в рассказе «Върман ачисем» (Шынгырч, Мигур, Паккай, Тякка, Тымба, Макка, Сяхеби, Сеспель) вынужденно отправляются в путешествие. С формальной точки зрения, эти путешествия (у С. Лема на Венеру в рамках научной экспедиции, у Сеспеля – на строительство железной дороги) не имеют ничего общего, но фактически и герои С. Лема, и герои Сеспеля становятся одновременно и вынужденными паломниками, и вынужденными исследователями. Если лемовские профессоры исследуют и другие миры, и самих себя в контексте столкновения / контакта с универсальным и неизбежным Другим, то крестьянские герои Сеспеля тоже выступают в качестве первопроходцев, которые вынужденно открывают для себя культуру динамично меняющегося и модернизирующегося общества.

Текст Сеспеля Мишши интересен в контекстах проблем контакта культур как диаметрально отличных друг от друга форм идентичности. Другой классический лемовский текст «Звёздные дневники Ййона Тихого» («Dzienniki gwiazdowe» [20]) также актуализирует проблемы столкновения идентичностей: например, в «Путешествии восьмом» человеческое общество описывается с точки зрения инопланетных наблюдателей, что позволяет провести параллель с «Детями леса» Сеспеля Мишши, где чуваша, как «дети леса», представители традиционного общества, пытаются понять и осмыслить совершенно чуждое им современное общество как общество города. «Дети леса» в этой культурной ситуации – позднейшее социальное и культурное эхо неудачного контакта между разными культурами, которых было несколько в новой истории Запада,

или предчувствие обреченности попыток установления контакта человечества с более развитыми цивилизациями.

Если попытка реальных исторических конкистадоров оказалась относительно успешной трансплантацией прогресса западного мира в неевропейские культурные пространства, то Сеспель Мишши актуализирует проблемы поражения носителей традиционных и архаичных идентичностей приобщиться к культуре и цивилизации модерна. Мотивы встречи культур как столкновения традиционных / архаичных и современных / современных идентичностей позволяют провести параллели между «Детьми леса» и другими текстами С. Лема, в частности – с романом «Магелланово облако» («Obłok Magellana» [21]), в котором формально прогрессивные земляне будущего оказываются фактически бессильными и беспомощными в своих попытках установления связи с инопланетной цивилизацией.

Бессилие как отдельных личностей, так и сообществ актуализируется и в другом лемовском романе «Возвращение со звезд» («Powrót z gwiazd», 1961 [22]), который визуализирует параллели с сеспелевскими «Детьми леса». Вероятно, и в «Возвращении со звезд», и в «Детях леса» в качестве коллективных героев фигурируют два типа общества, которые соответственно склонны к насилию или, наоборот, отторгают его. Чувашские крестьяне Сеспеля сродни обитателям идиллического мира коммунистического будущего лемовского «Возвращения со звезд», так как, не принимая насилия, сами становятся его жертвами. Русские же рабочие в тех же сеспелевских «Детях леса» могут быть определены как отдаленные предки космонавтов, которые провели 127 лет в космосе и вернулись на планету, успевшую вообразить насилие как политический и культурный анахронизм.

И крестьяне Сеспеля, и космонавты С. Лема в одинаковой степени оказываются одновременно и жертвами ситуации, и отторгаемыми маргиналами: если чувашские крестьяне социально и культурно не могут принять модернизацию, так как они к ней просто не готовы, будучи архаичным и традиционным сообществом, так и лемовские космонавты в мире будущего сродни сеспелевским «детям леса»: и первые, и вторые оказываются морально-этическим и культурным меньшинством в мире, где доминируют качественно иные, совершенно чуждые им социальные и культурные практики. Если у Сеспеля Мишши чуваша, как «дети леса», шли к городу в надежде найти там свое место, то в романе С. Лема герои из коммунистического общества 32 века фактически остаются теми же «детьми леса» начала 20 столетия, потому что, подобно чувашским крестьянам в «Върман ачисем», они сталкиваются с универсальной и, вероятно, неизбежной реакцией другого общества – насилием.

Поэтому практически все чувашские крестьяне в рассказе погибают. В этих контекстах и «Астронавты» С. Лема, и «Дети леса» Сеспель Мишши актуализируют универсальность смерти: если один из героев Сеспеля пересказывает историю путешествия как историю смертей («Собрались соседи. Тимкка начал рассказывать все по порядку. Шынгырча русские в реку затащили и убили... Сеспеля стукнули так, что дух из него вышел... Паккая, Тякку, Тымбу и Микку русские из ружья убили... и Сюхеби с лошадью подстрелили, утонул он в Суре... У-у-у-у! завыл седобородый дед Ухилле и повалился на зеленую траву» [6, с. 15]), то лемовские герои с рациональностью, свойственной обществу потребления, рационально и сухо только констатируют факт смерти другой цивилизации: «и все погибли?... Неужели все? Разве это возможно? Почему не уцелел никто, даже в самых глубоких подземельях... А может быть, где-нибудь в отдалённой части планеты они ещё живут?... У нас, собственно говоря, нет никаких данных считать, что никто из этих существ не остался в живых» [19, s. 336]. Актуализация темы смерти как индивида, так и больших сообществ в прозе С. Лема визуализирует и другие вероятные параллели между польской и чувашской литературами. В этом контексте особую актуальность для проведения подобных параллелей приобретает «Солярис» как классический лемовский текст.

Смерть и практики культурной памяти: к польско-чувашским литературным параллелям. Роман «Солярис» был издан в 1961 году и спустя некоторое время приобрел репутацию канонического текста, успев стать частью как условно «высокой», так и массовой культуры. В рамках исследования польско-чувашских литературных параллелей роман представляет интерес в контекстах сравнительного изучения образов / состояний смерти и воскресения, а также их отражения в культуре и идентичности. И «Солярис» С. Лема, и «Ўжин после полуночи» («Ужин после полуночи», 1992), еще один текст Бориса Чиндыкова, актуализируют состояние кризиса идентичности, разочарование в мифах модернизации и ускоренного социального развития и прогресса.

Stanisław Lem «Solaris»

Wyruszamy w kosmos, przygotowani na wszystko, to znaczy, na samotność, na walkę, męczeństwo i śmierć... Wcale nie chcemy zdobywać kosmosu, chcemy tylko rozszerzyć Ziemię do jego granic... Jesteśmy humanitarni i szlachetni, nie chcemy podbijać innych ras, chcemy tylko przekazać im nasze wartości i w zamian przejąć ich dziedzictwo. Mamy się za rycerzy świętego Kontaktu. To drugi fałsz. Nie szukamy nikogo oprócz ludzi. Nie potrzeba nam innych światów. Potrzeba nam luster. Nie wiemy, co począć z innymi światami. Wystarczy ten jeden, a już się nim dławimy... [23]

Борис Чиндыков
«Ўжин после полуночи»

... Ытла илемсёр вӑхӑт... Кӑркунне... Хушӑран пурин ҫинчен манса темле шухӑшири тӑнчене тарас килет. Унта никам та ан пултӑр, никам та ан чӑрмантартӑр. Тӑр пӑччен... Тата – ҫут ҫанталӑк, чечек-курӑк, пӑлӑт, ҫӑр, Атӑл пек анлӑ юхан шив... Хӗвӗле вара – юнашарах, тӑперех, анчах ун патне нихӑҫан та ҫитейместӑн есӗ, мӑскӑн чӑваш... ҫитетӑн, ҫитетӑн хӗвел патне, Икар! Ҫитетӑнех есӗ Сарӑ Кун Ҫӑришывне, ҫитетӑн те – ирӗлсе каятӑн... Хытса пурӑниччен ирӗлсе каяс, ҫутӑ пулса тӑван ҫӑре ҫутатас... [9]

Станислав Лем «Солярис»

...мы отправились в космос, подготовившись ко всему, то есть к одиночеству, борьбе, мученичеству и смерти... Мы вообще не хотим покорять космос... Мы гуманны и благородны, мы не хотим побеждать другие расы, мы просто хотим передать им наши ценности и взамен получить их наследие. Мы рыцари святого контакта. Это вторая ложь. Мы не ищем никого, кроме людей. Нам не нужны другие миры. Нам нужны зеркала. Мы не знаем, что делать с другими мирами. Только этот, и мы уже подавились этим... [2, с. 74]

Борис Чиндыков
«Ужин после полуночи»

Наступили безобразно-некрасивые времена... Невыносимо тоскливые времена... Осень... Хочется забыться на миг, убежать в далекий-далекий мир мечты... Там нет никого... А рядом с тобой – природа, цветы и трава, небо, земля... А солнце-то рядом... но ты никогда не долетишь до него, бедный чуваш... Не долетишь?... Долетишь, долетишь до солнца... до великого солнца, до Страны Желтых Дней, долетишь и растаешь... Да лучше растаять, чем жить вот так, и превратившись в свет, светить на родную землю [11].

И Станислав Лем, и Борис Чиндыков в своих текстах актуализируют ситуацию не только кризиса идентичности, но и границы эпох, отмеченной утратой культурных и нравственных ориентиров, разочарованием в самом проекте модерна и его производных – от идеи прогресса до веры в его неизбежность и неминуемость модернизации, от идеи нации до возможности сосуществования наций как воображаемых сообществ и изобретенных традиций в многосоставном обществе.

И тексты С. Лема, и чувашские тексты Сеспеля и Бориса Чиндыкова могут быть интерпретированы как тексты конца истории или глубокого кризиса исторической идентичности сообществ накануне или после модернизации. Комментируя особенности подобных культурных ситуаций, современный белорусский философ Валянцин Акудович (Валянцін Акудовіч) полагает, что «история могла быть политическим товаром только в логоцентричном обществе, в обществе пост-модерна история становится практически ненужной. В подобной системе истории просто нет» [4]. Развивая это предположение и трансплантируя его в контексты польско-чувашских «фантастических» литературных параллелей, логично предположить, что чувашские герои Сеспеля, с одной стороны, не имели потребности в истории в силу того, что архаичное и домодерное общество в принципе не нуждалось в истории, потому что пользовалось принципиально другими практиками проработки прошлого. Поэтому домодерные, модернизирующиеся и пост-пост-модерные общества С. Лема, Сеспеля Мишши и Б. Чиндыкова совершенно чужды рефлексиям относительно прошлого как истории в контекстах социального, культурного и исторического времени. Поэтому историческая политика (Geschichtspolitik), политика прошлого (Vergangenheitspolitik), политика идентичности (Identitätspolitik), политика памяти (Erinnerungspolitik), культура памяти (Erinnerungskultur), культура истории (Geschichtskultur) и историческое сознание (Geschichtsbewusstsein) [13] совершенно не интересуют героев анализируемых в этой статье текстов. С другой стороны, футуристические герои С. Лема также не нуждались в истории, потому что в мире идеального воображаемого им будущего история утрачивает смысл, став ненужной в мире, где нация, вероятно, стала культурным и социальным анахронизмом, коллективным воспоминанием и частью активно изживаемого исторического опыта.

Тема смерти [1; 14; 15] в зависимости от методологических предпочтений исследователей может восприниматься как одно из общих или даже «узких» мест в историографии или описываться и интерпретироваться как одна из изобретенных традиций, порожденная модернизацией, переходом к современному обществу государств-наций, вызванному процессом постепенной эрозии и размывания традиционных архаических культур, что неизбежно ставило перед интеллектуалами проблемы континуитета и дискретности между социальными и культурными поколениями, вынуждая их вырабатывать особые формы коммуникации с миром мертвых с целью легитимировать социальные и культурные изменения.

В «Солярисе» в качестве героев фигурируют фантомы, созданные разумным Океаном планеты на основании воспоминаний исследователей о мертвых. Мертвые также среди основных героев рассказа Бориса Чиндыкова «Хайсене хайсем вѐлересшѐн сурӑхсем», который открывается констатацией трех состояний – холода, смерти и одиночества: «была зима – и было холодно. В одну из чистых, морозных ночей умерла моя жена, и я остался один» [10]. Героиня как мертвое тело продолжает фигурировать в тексте в качестве одного из его образующих элементов с атрибутами и признаками все еще живого человека: «каждую полночь я поднимался на чердак и, склонив голову, сидел рядом с мертвым телом моей любимой, иногда целуя ее. Она, конечно, была всего лишь трупом, но ее волосы почему-то казались мне живыми. Я подолгу смотрел на ее посиневший лоб. Ей, наверное, было холодно, и только для того, чтобы не испугать меня, она не говорила об этом» [10].

С другой стороны, мертвая героиня в прозе С. Лема и Б. Чиндыкова играет роль актора, заметного в личном пространстве героя – явление временное и расставание с ней

подчинено внутренней логике развития сюжета: «вскоре такая жизнь меня утомила, и, укутав тело супруги покрывалом, я запряг старую, хроющую кобылу и отправился на древнее кладбище, где уже давным-давно никого не хоронили. Целый день я сгребал снег и ковырял мерзлую землю. Только к вечеру могила была готова, и я навсегда попрощался с любимой». Герои С. Лема и Б. Чиндыкова пребывают в поиске стратегий оптимального поведения в отношении мертвых, спектр которых варьируется от аннигиляции до попытки актуализации традиции в форме архаичного ритуала похорон.

Герои и С. Лема и Б. Чиндыкова пытаются в силу своих возможностей разрушить связь между миром живых и миром мертвых, понимая, что появление последних в их реальности не более чем временная аномалия. Мертвые и их фантомы в лемовской прозе и некоторых текстах Б. Чиндыкова играют роль символического моста между различными социальными и культурными поколениями и гетерогенными формами памяти сообществ об их прошлом. С другой стороны, мертвые в польской и чувашской прозе предстают как визуализированные образы культурной и социальной дискретности или, наоборот, континуитета. Появление мертвых в чувашской и польской прозе можно интерпретировать как форму политики памяти или политически мотивированной проработки прошлого: если в чувашском коллективном тексте мертвые актуализируют угрозу потери идентичности через ассимиляцию и почти утраченные воспоминания об архаической традиции как национальной форме воспоминания о «золотом веке», то в лемовской прозе мертвые играют роль социального и культурного раздражителя, вдохновляющего память и стимулирующего своеобразные «проработки прошлого».

Предварительные выводы. Подводя итоги статьи, во внимание следует принимать несколько факторов.

Во-первых, проследить непосредственные взаимосвязи и взаимовлияния между польской и чувашской литературами, между польской и чувашской научной фантастикой невозможно в силу того, что непосредственные отношения между польской и чувашской культурами на протяжении истории фактически отсутствовали. Во-вторых, когда мы анализируем польско-чувашские литературные связи, представляется более корректным проводить параллели между развитием польской и чувашской литератур, сравнивая их как изобретенные политические традиции, созданные усилиями националистически ориентированных интеллектуалов, которые институционализировали нации как воображаемые сообщества. В-третьих, общие мотивы чувашской и польской литератур в целом, а также научной фантастики в частности могут быть определены как изобретенные традиции, созданные усилиями интеллектуалов и тиражируемые при помощи литературы, которая в 20 веке стала частью массовой культуры. В-четвертых, анализируя чувашско-польские литературные параллели, во внимание следует принимать и то, что и польская, и чувашская литература в 20 столетии испытали влияние со стороны процессов политической, социальной и культурной модернизации.

В-пятых, рассматривая «общие места» в культурной и интеллектуальной истории польской и чувашской научной фантастики, необходимо помнить и то, что эти проекты стали попытками институционализации национальных версий политической, социальной и культурной утопии и воображения собственных «футурумов», воображенных в национальной системе координат. В-шестых, фантастическая «лемовская» традиция в польской литературе и стремления институционализации фантастического дискурса в чувашской литературе могут восприниматься как формы и проявления коллективной социальной и культурной травмы, которая стала одним из последствий принудительной модернизации, что проявилось в институционализации авторитарного культурного дискурса, формировавшего свои канонические версии национальной идентичности – если С. Лем смог интегрировать свои тексты в идеологический канон, то тексты чувашских интеллектуалов подвергались воздействию со стороны политики памяти, существенно изменявшей векторы и траектории развития национальной идентичности.

Таким образом, проблемы литературных параллелей и связей между польской идентичностью в контекстах творчества С. Лема и чувашской литературой как одной из форм развития национализма, с одной стороны, являются перспективной темой для дальнейшего изучения в контекстах как развития воображаемых сообществ и изобретенных традиций, так и изучения литературных параллелей и тем, которые могут быть определены как общие для чувашского и польского проектов, порожденных и вдохновленных принудительной социальной и культурной модернизацией. С другой стороны, автор полагает возможным расширение географии сравнительных штудий между фантастическим дискурсом в творчестве С. Лема и аналогичными мотивами или типологически схожими темами и сюжетами в других национальных финно-угорских, тюркских и славянских литературах, что может существенно расширить возможные векторы и траектории изучения наследия С. Лема и его интерпретации вне рамок позитивистского канона традиционного литературоведения.

Список литературы

1. Кирчанов М.В. Нарративы *вилём* в дискурсе чувашской (пост)модерной литературы // Российский журнал исследований национализма. 2015. № 1-2. 73 с.
2. Лем С. Солярис / пер. с пол. Г. Гудимовой, В. Перельман. М.: Радуга, 1987. 480 с.
3. Мальчукова Н.В. Проблема Другого в романах С. Лема «Солярис» и В. Пелевина «S.N.U.F.F.» // Вторые Лемовские чтения: сборник материалов Всероссийской научной конференции с международным участием памяти Станислава Лема / отв. ред. А.Ю. Нестеров. Самара: Издательство Самарского государственного аэрокосмического университета, 2014. С. 88-94.
4. Навука і стратэгіі працы з мінулым. Дыскусія ў межах семінара «Сучаснае беларускае мысленне», Інстытут сацыялогіі, Інстытут філасофіі НАН, 16 сакавіка 2006 года // Палітычная сфера. 2006. № 6. С. 44-48.
5. Поздняков К.С. Проблема понимания в рассказе С. Лема «Лунная ночь» и фельетонах И. Ильфа и Е. Петрова // Вторые Лемовские чтения: сборник материалов Всероссийской научной конференции с международным участием памяти Станислава Лема / отв. ред. А.Ю. Нестеров. Самара: Издательство Самарского государственного аэрокосмического университета, 2014. С. 105-112.
6. Сеспель М. Дети леса / пер. с чувашского С. Савгильды // Чувашский рассказ / сост. Б. Чиндыков. Чебоксары: Чувашское книжное издательство, 2016. Т. 1. Дети леса. С. 7-15.
7. Смердова Е.А. Роза Лема (о стилистической функции нереферентно употреблённых имён) // Третьи Лемовские чтения: сборник материалов Всероссийской научной конференции с международным участием памяти Станислава Лема / отв. ред. А.Ю. Нестеров. Самара: Издательство Самарского государственного университета, 2016. С. 233-249.
8. Смердова Е.А. Станислав Лем о возможности кибернетического моделирования творческих процессов. Машина и текстопорождение // Вторые Лемовские чтения: сборник материалов Всероссийской научной конференции с международным участием памяти Станислава Лема / отв. ред. А.Ю. Нестеров. Самара: Издательство Самарского государственного аэрокосмического университета, 2014. С. 120-128.
9. Чиндыков Б. *Çур сёр хыççанхи апатлану* // Чиндыков Б. Тухса кайиччен. Шупашкар: Чăваш кёнеке издательстви, 2009. С. 167-197.
10. Чиндыков Б. Овцы, которые хотят смерти / пер. с чувашского С. Савгильды // Ирëклë Сăмах. 2012. 15 августа. URL.: <http://www.irekle.org/articles/i2.html> (дата обращения: 20.10.2020).
11. Чиндыков Б. Ужин после полуночи // Лик Чувашии. 1997. № 1. С. 46-62.

12. Чиндыков Б. Хайсене хайсем вѐлерешѐн сурӑхсем // Чиндыков Б. Тухса кайиччен. Шупашкар: Чӑваш кӑнеке издательстви, 2009. С. 15-19.
13. Шеррер Ю. Германия и Франция: проработка прошлого // Pro et contra. 2009. Май – август. С. 89-108.
14. Kärçansen Makşămĕ, From suicide of revolutionary to symbolic communication with the world of the dead (death in the modern Chuvash identity) // The New Past. 2016. No 4. P. 84 – 98.
15. Kärçansen Makşămĕ, National Futurism and invented traditions of Chuvash Identity // Општествените променти во глобалниот свет: зборник на трудови. Втора меѓународна научна конференција, Штип, 2015. Штип: Универзитет "Гоце Делчев", 2015. P. 965-980.
16. Kyrchanoff M.W. Difficulties of mental mapping of Historical time in the Chuvash national identity: cultural continuities and intellectual failures // Social Evolution & History. 2017. Vol. 16. No 1. P. 128-155.
17. Kyrchanoff M.W. Imagining Chuvash historical time: historical continuities and intellectual failures // Tractus Aevorum: эволюция социокультурных и политических пространств. 2017. Т. 4. № 2. С. 134-155.
18. Kyrchanoff M.W. Literaturizing modernizations in pre- and post-modern societies: destruction of archaicness in contexts of intellectual oppositions of barbarism and civilization categories in historical time // Прва меѓународна научна конференција на филологија, култура и образование, 18-19 март 2016, Штип. Зборник на трудови. Штип: Универзитет "Гоце Делчев", 2016. P. 463-474.
19. Lem S. Astronaucci. Powieść fantastycznonaukowa. Lublin: Czytelnik, 1951. 338 s.
20. Lem S. Dzienniki gwiazdowe. Warszawa: Wydawnictwo Literackie, 1966.
21. Lem S. Obłok Magellana. Warszawa: Iskry, 1955.
22. Lem S. Powrót z gwiazd. Lublin: Czytelnik, 1961.
23. Lem S. Solaris. Warszawa: Wydawnictwo Ministerstwa Obrony Narodowej, 1961.
24. McPherson J. Revisionist Historians // Perspectives on History. The newsmagazine of the American Historical Association. 2003. Vol. 41. No 6. P. 1.

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ МОДЕЛЬ ФАНТАСТИЧЕСКОГО МИРА В РАССКАЗЕ М. БИРБОМА «ЭНОХ СОМС»

Ленкова Н.Р.

Башкирский государственный университет,
кафедра русской, зарубежной литературы и издательского дела,
старший преподаватель

В статье рассматриваются особенности художественной модели фантастического мира в рассказе М. Бирбома «Энох Сомс». Исследуются способы изображения временных пластов настоящего и будущего, методы научной фантастики и антиутопии, используемые писателем. Доказывается, что художественная модель фантастического мира рассказа М. Бирбома представлена двумя временными пространствами: реальным настоящим, в котором появляется сатана и происходит продажа души, и фантастическим будущим воплотившейся антиутопии.

Ключевые слова: М. Бирбом, «Энох Сомс», художественная модель мира, научная фантастика, фантастический мир, карикатура, антиутопия.